Н. С. ЛЕСКОВ

ТУПЕЙНЫЙ ХУДОЖНИК

АКВИЛОН · 1922 · ПЕТЕРБУРГ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Настоящее издание отпечатано в 15-й Государственной типографии (бывш. Голике и Вильборг) в марте 1922 г., под наблюдением В. И. Анисимова, в количестве 1500 экземпляров

Р. Ц. — № 1134

Библиотека "Руниверс"

ТУПЕЙНЫЙ ХУДОЖНИК

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Н. С. ЛЕСКОВ.

ТУПЕЙНЫЙ ХУДОЖНИК

РАССКАЗ НА МОГИЛЕ

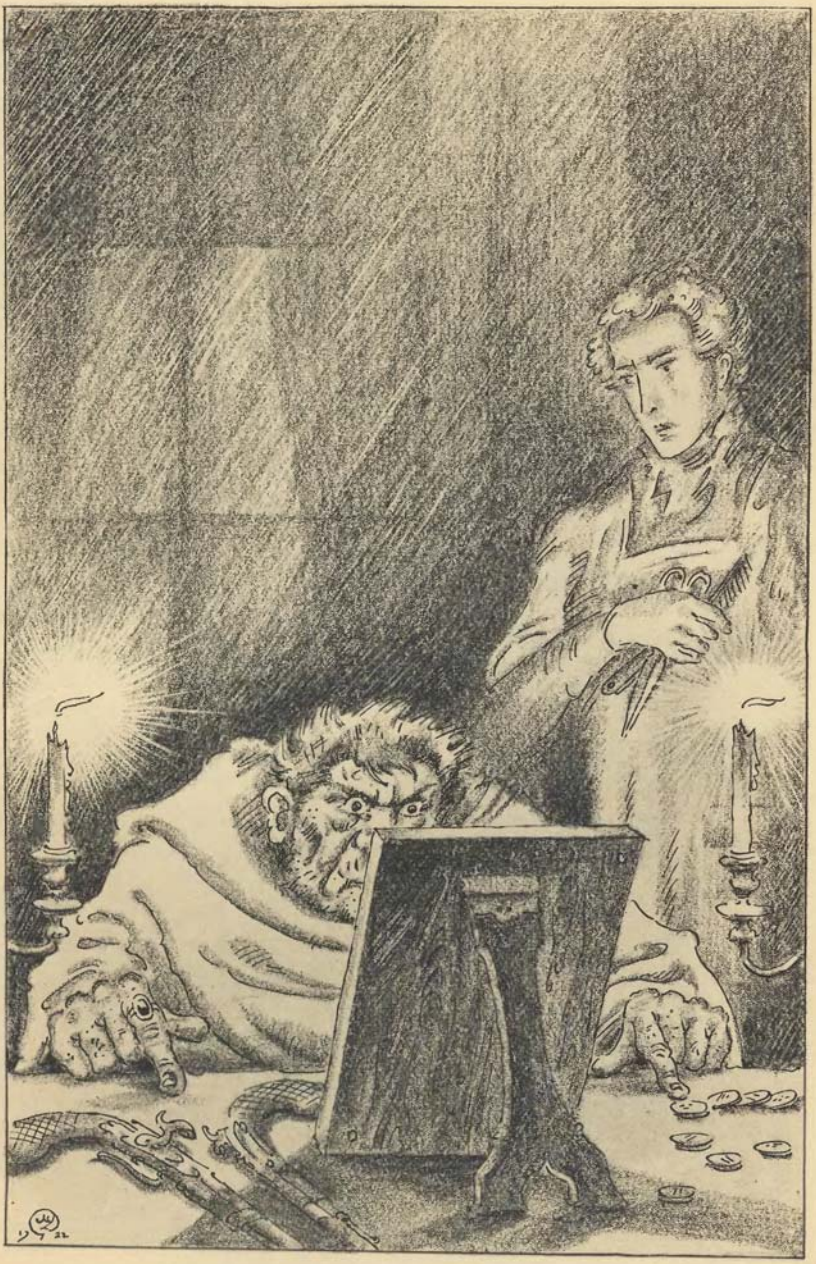
РИСУНКИ
М. ДОБУЖИНСКОГО

1922

„АКВИЛОН". ПЕТЕРБУРГ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"



Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У нас многие думают, что «художники» — это только живописцы, да скульпторы, и то такие, которые удостоены этого звания академиею, а других не хотят и почитать за художников. Сазиков и Овчинников для многих не больше как «серебренники». У других людей не так: Гейне вспоминал про портного, который «был художник» и «имел идеи», а дамские платья работы Ворт и сейчас называют «художественными произведениями». Об одном из них недавно писали, будто оно «сосредоточивает бездну фантазии на шнипе».

В Америке область художественная понимается еще шире: знаменитый американский писатель Бret-Гарт рассказывает, что у них чрезвычайно прославился «художник», который «работал над мертвыми». Он придавал лицам почивших различные «утеши-

Библиотека "Руниверс"

тельные выражения», свидетельствующие о более или менее счастливом состоянии их отлетевших душ.

Было несколько степеней этого искусства, — я помню три: «1) спокойствие, 2) возвышенное созерцание и 3) блаженство непосредственного собеседования с Богом». Слава художника отвечала высокому совершенству его работы, т. е. была огромна, но, к сожалению, художник погиб жертвою грубой толпы, не уважавшей свободы художественного творчества. Он был убит камнями за то, что усвоил «выражение блаженного собеседования с Богом» лицу одного умершего фальшивого банкира, который обобрал весь город. Осчастливленные наследники плута таким заказом хотели выразить свою признательность усопшему родственнику, а художественному исполнителю это стоило жизни...

Был в таком же необычайном художественном роде мастер и у нас на Руси.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

оего младшего брата няньчила высокая, сухая, но очень стройная старушка, которую звали Любовь Онисимовна. Она была из прежних актрис бывшего орловского театра графа Каменского, и всё, что я далее расскажу, происходило тоже в Орле во дни моего отрочества.

Брат моложе меня на семь лет, следовательно, когда ему было два года и он находился на руках у

Библиотека "Руниверс"

Любови Онисимовны, мне минуло уже лет девять, и я свободно мог понимать рассказываемые мне истории.

Любовь Онисимовна тогда была еще не очень стара, но бела, как лунь; черты лица ее были тонки и нежны, а высокий стан совершенно прям и удивительно строен, как у молодой девушки.

Матушка и тетка, глядя на нее, не раз говорили, что она несомненно была в свое время красавица.

Она была безгранично честна, кротка и сентиментальна; любила в жизни трагическое и... иногда запивала.

Она нас водила гулять на кладбище к Троице, садилась здесь всегда на одну простую могилку с старым крестом и нередко что-нибудь мне рассказывала.

Тут я от нее и услыхал историю «тупейного художника».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Он был собрат нашей няне по театру; разница была в том, что она «представляла на сцене и танцовала танцы», а он был «тупейный художник» т. е. парикмахер и гримировщик, который всех крепостных артисток графа «рисовал и причесывал». Но это не был простой, банальный мастер с тупейной гребенкой за ухом и с жестян-

Библиотека "Руниверс"

кой растертых на сале румян, а был это—человек с идеями, — словом, художник.

Лучше его, по словам Любови Онисимовны, никто не мог «сделать в лице воображения».

При котором именно из графов Каменских процветали обе эти художественные натуры, я с точностью указать не смею. Графов Каменских известно три; всех их орловские старожилы называли «неслыханными тиранами». Фельдмаршала Михаила Федотовича крепостные убили за жестокость в 1809 году, а у него было два сына: Николай, умерший в 1811 г., и Сергей, умерший в 1835 г.

Ребенком, еще в сороковых годах, я помню еще огромное серое деревянное здание с фальшивыми окнами, намалеванными сажей и охрой, и огороженное чрезвычайно длинным полуразвалившимся забором. Это и была проклятая усадьба графа Каменского; тут же был и театр. Он приходился где-то так, что был очень хорошо виден с кладбища Троицкой церкви, и потому Любовь Онисимовна, когда, бывало, что-нибудь захочет рассказать, то всегда почти начинала словами:

— Погляди-ка, милый, туда... Видишь, какое страшное?

— Страшное, няня.

— Ну, а что я тебе сейчас расскажу, так это еще страшней.

Вот один из таких ее рассказов о тупейщике Аркадии, чувствительном и смелом молодом человеке, который был очень близок ее сердцу.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ркадий «причесывал и рисовал» одних актрис. Для мужчин был другой парикмахер, а Аркадий, если и ходил на «мужскую половину», то только в таком случае, если сам граф приказывал «отрисовать кого-нибудь в очень благородном виде». Главная особенность гримировального туше́ этого художника состояла в идейности, благодаря которой он мог придавать лицам самые тонкие и разнообразные выражения.

— Призовут его, бывало,—говорила Любовь Онисимовна:—и скажут: «надо, чтобы в лице было такое-то и такое воображение». Аркадий отойдет, велит актеру или актрисе перед собою стоять или сидеть, а сам сложит руки на груди и думает. И в это время сам всякого красавца краше, потому что ростом он был умеренный, но стройный, как сказать невозможно, носик тоненький и гордый, а глаза ангельские, добрые, и густой хохолок прекрасиво с головы на глаза свешивался, — так что глядит он, бывало, как из-за туманного облака.

Словом, тупейный художник был красавец и «всем нравился». «Сам граф» его тоже любил и «от всех отличал, одевал прелестно, но содержал в самой большой строгости». Ни за что не хотел, чтобы Аркадий еще кого кроме его остриг, обрил и причесал, и для того всегда держал его при своей уборной

Библиотека "Руниверс"

и кроме как в театр Аркадий никуда не имел выхода.

Даже в церковь для исповеди или причастия его не пускали, потому что граф сам в Бога не верил, а духовных терпеть не мог, и один раз на Пасхе борисоглебских священников со крестом борзыми затравил.

Граф же, по словам Любови Онисимовны, был так страшно нехорош, через свое всегдашнее зленье, что на всех зверей сразу походил. Но Аркадий и этому зверообразию умел дать, хотя на время, такое воображение, что когда граф вечером в ложе сидел, то показывался даже многих важнее.

А в натуре-то графа, к большой его досаде, именно и недоставало всего более важности и «военного воображения».

И вот, чтобы никто не мог воспользоваться услугами такого неподражаемого артиста, как Аркадий, он сидел «весь свой век без выпуска и денег не видал в руках от роду». А было ему тогда уже лет за двадцать пять, а Любови Онисимовне девятнадцатый год. Они, разумеется, были знакомы, и у них образовалось то, что в таковые годы случается, т. е. они друг друга полюбили. Но говорить они о своей любви не могли иначе, как далекими намеками при всех, во время гримировки.

Свидания с-глаза-на-глаз были совершенно невозможны и даже немыслимы...

— Нас, актрис,—говорила Любовь Онисимовна:— берегли в таком же роде, как у знатных господ берегут кормилиц: при нас были приставлены пожи-

Библиотека "Руниверс"

лые женщины, у которых есть дети, и если, помилуй Бог, с которою-нибудь из нас что бы случилось, то у тех женщин все дети поступали в страшное тиранство.

Завет целомудрия мог нарушать только «сам»,— тот, кто его уставил.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Любовь Онисимовна в то время была не только в цвете своей девственной красы, но и в самом интересном моменте развития своего многостороннего таланта: она «пела в хорах подпури», танцовала «первые па в Китайской огороднице» и, чувствуя призвание к трагизму, «знала все роли наглядкою».

В каких именно было годах—точно не знаю, но случилось, что через Орел проезжал государь (не могу сказать Александр Павлович или Николай Павлович) и в Орле ночевал, а вечером ожидали, что он будет в театре у графа Каменского.

Граф тогда всю знать к себе в театр пригласил (мест за деньги не продавали), и спектакль поставили самый лучший. Любовь Онисимовна должна была и петь в «подпури», и танцовать «Китайскую огороднцу», а тут вдруг еще во время самой последней репетиции упала кулиса и пришибла ногу актрисе, которой следовало играть в пьесе «герцогиню де-Бурблян».

Библиотека "Руниверс"

Никогда и нигде я не встречал роли этого наименования, но Любовь Онисимовна произносила ее именно так.

Плотников, уронивших кулису, послали на конюшню наказывать, а больную отнесли в ее каморку, но роли герцогини де-Бурблян играть было некому.

— Тут, — говорила Любовь Онисимовна: — я и вызвалась, потому что мне очень нравилось, как герцогиня де-Бурблян у отцовских ног прощенья просит и с распущенными волосами умирает. А у меня у самой волосы были удивительно какие большие и русые, и Аркадий их убирал заглядение.

Граф был очень обрадован неожиданным вызовом девушки исполнить роль, и, получив от режиссера удостоверение, что «Люба роли не испортит», ответил:

— За порчу мне твоя спина ответит, а ей отнести от меня камариновые серьги.

«Камариновые же серьги» у них был подарок и лестный, и противный. Это был первый знак особенной чести быть возведенною на краткий миг в одалиски владыки. За этим вскоре, а иногда и сейчас же, отдавалось приказание Аркадию убрать обреченную девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и во всём в белом, в венке и с лилией в руках символизованную innocence доставляли на графскую половину.

— Это, — говорила няня: — по твоему возрасту непонятно, — но было это самое ужасное, особенно для меня, потому что я об Аркадии мечтала. Я и начала плакать. Серьги бросила на стол, а сама плачу и как вечером представлять буду, того уже и подумать не могу.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

в эти самые роковые часы другое, — тоже роковое и искусительное дело подкралось и к Аркадию.

Приехал представиться государю из своей деревни брат графа, который был еще собой хуже и давно в деревне жил и формы не надевал и не брился, потому что «всё лицо у него в буграх заросло». Тут же, при таком особенном случае, надо было примундириться и всего себя самого привести в порядок и «в военное воображение», какое требовалось по форме.

А требовалось много.

— Теперь этого и не понимают, как тогда было строго, — говорила няня. — Тогда во всем форменность наблюдалась и было положение для важных господ как в лицах, так и в причесании головы, а иному это ужасно не шло, и если его причесать по форме, с хохлом стоймя и с височками, то всё лицо выйдет совершенно точно мужицкая балалайка без струн. Важные господа ужасно как этого боялись. В этом и много значило мастерство в бритье и в прическе, — как на лице между бакенбард и усов дорожки пробрить, и как завитки положить, и как вычесать, — от этого от самой от малости в лице выходила совсем другая фантазия. Штатским господам, по словам няни, легче было, потому что на них внимательного призрения не обращали, — от них

Библиотека "Руниверс"

только требовался вид посмирнее, а от военных больше требовалось, — чтобы перед старшим воображалась смирность, а на всех прочих отвага безмерная хорохорилась.

Это-то вот и умел придавать некрасивому и ничтожному лицу графа своим удивительным искусством Аркадий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Деревенский же брат графа был еще некрасивее городского и вдобавок в деревне совсем «заволохател» и «напустил в лицо такую грубость», что даже сам это чувствовал, а убирать его было некому, потому что он ко всему очень скуп был и своего парикмахера в Москву по оброку отпустил, да и лицо у этого второго графа было всё в больших буграх, так что его брить нельзя, чтобы всего не изрезать.

Приезжает он в Орел, позвал к себе городских цырюльников и говорит:

— Кто из вас может сделать меня наподобие брата моего графа Каменского, тому я два золотых даю, а на того, кто обрежет, вот два пистолета на стол кладу. Хорошо сделаешь — бери золото и уходи, а если обрежешь один прыщик или на волосок бакенбарды не так проведешь — то сейчас убью.

Библиотека "Руниверс"

А всё это пугал, потому что пистолеты были с пустым выстрелом.

В Орле тогда городских цырюльников мало было, да и те больше по баням только с тазиками ходили, — рожки да пиявки ставить, а ни вкуса, ни фантазии не имели. Они сами это понимали и все отказались «преображать» Каменского. «Бог с тобою думают, — и с твоим золотом».

— Мы, говорят, — этого не можем, что вам угодно, потому что мы за такую особу и притронуться недостойны, да у нас и бритвов таких нет, потому что у нас бритвы простые русские, а на ваше лицо нужно бритвы аглицкие. Это один графский Аркадий может.

Граф велел выгнать городских цырюльников по шеям, а они и рады, что на волю вырвались, а сам приезжает к старшему брату и говорит:

— Так и так, брат, я к тебе с большой моей просьбой, — отпусти мне перед вечером твоего Аркашу, чтобы он меня как следует в хорошее положение привел. Я давно не брился, а здешние цырюльники не умеют.

Граф отвечает брату:

— Здешние цырюльники, разумеется — гадость. Я даже не знал, что они здесь и есть, потому что у меня и собак свои стригут. А что до твоей просьбы, то ты просишь у меня невозможности, потому что я клятву дал, что Аркашка, пока я жив, никого кроме меня убирать не будет. Как ты думаешь, — разве я могу мое же слово перед моим рабом переменить?

Библиотека "Руниверс"

Тот говорит:

— А почему нет: ты постановил, ты и отменишь.

А граф-хозяин отвечает, что для него этакое суждение даже странно.

— После того, говорит, — если я сам так поступать начну, то что же я от людей могу требовать? Аркашке сказано, что я так положил, и все это знают, и за то ему содержанье всех лучше, а если он когда дерзнет и до кого-нибудь кроме меня с своим искусством тронется, — я его запорю и в солдаты отдам.

Брат и говорит:

— Что-нибудь одно — или запорешь, или в солдаты отдашь, а водвою вместе это не сделаешь.

— Хорошо, — говорит граф: — пусть по-твоему: не запорю до смерти, то до полусмерти, а потом сдам.

— И это, говорит, последнее твое слово, брат?

— Да, последнее.

— И в этом только всё дело?

— Да, в этом.

— Ну, в таком разе и прекрасно, а то я думал, что тебе свой брат дешевле крепостного холопа. Так ты слова своего и не меняй, а пришли Аркашку ко мне моего пуделя остричь. А там уже мое дело, что он сделает.

Графу неловко было от этого отказаться.

— Хорошо, говорит, — пуделя остричь я его пришлю.

— Ну, мне только и надо.

Пожал граф руку и уехал.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

было это время перед вечером, в сумерки, зимою, когда огни зажигают.

Граф призвал Аркадия и говорит:

— Ступай к моему брату в его дом и остриги у него его пуделя.

Аркадий спрашивает:

— Только ли будет всего приказания?

— Ничего больше, — говорит граф: — но поскорей возвращайся актрис убирать. Люба нынче в трех положениях должна быть убрана, а после театра представь мне ее святой Цецилией.

Аркадий Ильич пошатнулся.

Граф говорит:

— Что это с тобой?

А Аркадий отвечает:

— Виноват, на ковре оступился.

Граф намекнул:

— Смотри, к добру ли это?

А у Аркадия на душе такое сделалось, что ему всё равно, быть добру или худу.

Услыхал, что меня велено Цецилией убирать и, словно ничего не видя и не слыша, взял свой прибор в кожаной шкатулке и пошел.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Приходит к графову брату, а у того уже у зеркала свечи зажжены и опять два пистолета рядом, да тут же уже не два золотых, а десять, и пистолеты набиты не пустым выстрелом, а черкесскими пулями.

Графов брат говорит:

— Пуделя у меня никакого нет, а вот мне что нужно: сделай мне туалет в самой отважной мине, и получай десять золотых, а если обрежешь — убью.

Аркадий посмотрел, посмотрел и вдруг — Господь его знает, что с ним сделалось. — стал графова брата и стричь, и брить. В одну минуту сделал всё в лучшем виде, золото в карман ссыпал и говорит:

— Прощайте.

Тот отвечает:

— Иди, но только я хотел бы знать: отчего такая отчаянная твоя голова, что ты на это решился?

А Аркадий говорит;

— Отчего я решился — это знает моя грудь да подоплека.

— Или, может-быть, ты от пули заговорен, что и пистолетов не боишься.

— Пистолеты—это пустяки, — отвечает Аркадий:— об них я и не думал.

— Как же так? неужели ты смел думать, что твоего графа слово тверже моего и я в тебя за

Библиотека "Руниверс"

порез не выстрелю? Если на тебе заговора нет, ты бы жизнь кончил.

Аркадий, как ему графа напомянули, опять вздрогнул и точно в полуснях проговорил:

— Заговора на мне нет, а есть во мне смысл от Бога: пока бы ты руку с пистолетом стал поднимать, чтобы в меня выстрелить, я бы прежде тебе бритвою все горло перерезал.

И с тем бросился вон и пришел в театр как раз в свое время и стал меня убирать, а сам весь трясется. И как завьет мне один локон и пригнется, чтобы губами отдувать, так все одно шепчет:

— Не бойся, увезу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

пектакль хорошо шел, потому что все мы как каменные были, приучены и к страху, и к мучительству: — что на сердце ни есть, а свое исполнение делали так, что ничего и незаметно.

Со сцены видели и графа, и его брата — оба один на другого похожи. За кулисы пришли — даже отличить трудно. Только наш тихий-претихий, будто сдобрившись. Это у него всегда бывало перед самою большою лютостию.

И все мы млеем и крестимся:

— Господи! помилуй и спаси. На кого его зверство обрушится?

Библиотека "Руниверс"

А нам про Аркашкину безумную отчаянность, что он сделал, было еще неизвестно, но сам Аркадий, разумеется, понимал, что ему не быть прощады, и был бледный, когда графов брат взглянул на него и что-то тихо на ухо нашему графу буркнул. А я была очень слухмена и расслыхала; он сказал:

— Я тебе как брат советую: ты его бойся, когда он бритвой бреет.

Наш только тихо улыбнулся.

Кажется, что-то и сам Аркаша слышал, потому что когда стал меня к последнему представлению герцогиней убирать, так — чего никогда с ним не бывало — столько пудры переложил, что костюмер-француз стал меня отряхивать и сказал:

— Тро боку, тро боку! — и щеточкой лишнее с меня счистил.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

как всё представление окончилось, тогда сняли с меня платье герцогини де-Бурблян и одели Цецилией — одно этакое белое, просто без рукавов, а на плечах только узелками подхвачено, — терпеть мы этого убора не могли. Ну, а потом идет Аркадий, чтобы мне голову причесать в невинный фасон, как на картинах обозначено у святой Цецилии, и тоненький венец обручиком закрепить, и видит Аркадий, что у дверей моей каморочки стоят шесть чело-

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

век. Это значит, чтобы, как он только, убравши меня, назад в дверь покажется, так сейчас его схватить и вести куда-нибудь на мучительства. А мучительства у нас были такие, что лучше сто раз тому, кому смерть суждена. И дыба, и струна, и голову крячком скрячивали, и заворачивали: всё это было. Казенное наказание после этого уже за ничто ставили. Под всем домом были подведены потайные погреба, где люди живые на цепях, как медведи, сидели. Бывало, если случится когда идти мимо, то порою слышно, как там цепи гремят и люди в оковах стонут. Верно, хотели, чтобы об них весть дошла или начальство услышало, но начальство и думать не смело вступаться. И долго тут томили людей, а иных на всю жизнь. Один сидел-сидел, да стих выдумал:

«Приползут, говорит, змеи и высосут очи,
И зальют тебе ядом лицо скорпионы».

Стишок этот, бывало, сам себе в уме шепчешь и страшишься.

А другие даже с медведями были прикованы, так что медведь только на полвершка его лапой задрать не может.

Только с Аркадием Ильичем ничего этого не сделали, потому что он как вскочил в мою каморочку, так в то же мгновение сразу схватил стол и вдруг всё окно вышиб, и больше я уже ничего и не помню...

Стала я в себя приходить, оттого что моим ногам очень холодно. Дернула ноги и чувствую, что я завернута вся в шубе в волчьей или в медвежьей, а вокруг — тьма промежная и коней тройка лихая мчится,

Библиотека "Руниверс"

и не знаю куда. А около меня два человека в кучке, в широких санях сидят, — один меня держит, это Аркадий Ильич, а другой во всю мочь лошадей погоняет... Снег так и брызжет из-под копыт у коней, а сани что секунда, то на один, то на другой бок валятся. Если бы мы не в самой середине на полу сидели, да руками не держались, то никому невозможно бы уцелеть.

И слышу у них разговор тревожный, как всегда в ожидании, — понимаю только: «гонят, гонят, гони, гони!» и больше ничего.

Аркадий Ильич, как заметил, что я в себя прихожу, пригнулся ко мне и говорит:

— Любушка голубушка! за нами гонятся... согласна ли умереть, если не уйдем?

Я отвечала, что даже с радостью согласна.

Надеялся он уйти в турецкий Хрущук, куда тогда много наших людей от Каменского бежали.

И вдруг тут мы по льду какую-то речку перелетели и впереди что-то в роде жилья засерело и собаки залаяли, а ямщик еще тройку нахлестал и сразу на один бок саней навалился, скособочил их, и мы с Аркадием в снег вывалились, а он, и сани, и лошади, всё из глаз пропало.

Аркадий говорит:

— Ничего не бойся, это так надобно, потому что ямщик, который нас вез, я его не знаю, а он нас не знает. Он с тем за три золотых нанялся, чтобы тебя увезть, а ему бы свою душу спасти. Теперь над нами будь воля Божья: вот село Сухая Орлица, — тут смелый священник живет, отчаянные свадьбы венчает и много наших людей проводил. Мы ему пода-

Библиотека "Руниверс"

рок подарим, он нас до вечера спрячет и перевенчает, а к вечеру ямщик опять подъедет, и мы тогда скроемся.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

остучали мы в дом и взошли в сени. Отворил сам священник, старый, приземковатый, одного зуба в переднем строю нет, и жена у него старушка старенькая — огонь вздула. Мы им оба в ноги кинулись.

— Спасите, дайте обогреться и спрячьте до вечера.

Батюшка спрашивает:

— А что вы, светы мои, со сносом или просто беглые?

Аркадий говорит:

— Ничего мы ни у кого не унесли, а бежим от лютости графа Каменского и хотим уйти в турецкий Хрущук, где уже не мало наших людей живет. И нас не найдут, а с нами есть свои деньги, и мы вам дадим за одну ночь переночевать золотой червонец и перевенчаться три червонца. Перевенчать, если можете, а если нет, то мы там в Хрущуке окрутимся.

Тот говорит:

— Нет, отчего же не могу? — я могу. Что там еще в Хрущук везть. Давай за всё вместе пять золотых — я вас здесь окручу.

И Аркадий подал ему пять золотых, а я вынула из ушей камариновые серьги и отдала матушке.

Библиотека "Руниверс"

Священник взял и сказал:

— Ох, светы мои, всё бы это ничего, — не таких, мне случалось, кручивал, но не хорошо, что вы графские. Хоть я и поп, а мне его лютости страшно. Ну, да уж пускай, что Бог даст, то и будет, — прибавьте еще лобанчик хоть обрезанный и прячьтесь.

Аркадий дал ему шестой червонец полный, а он тогда своей попадье говорит:

— Что же ты, старуха, стоишь? Дай беглянке хоть свою юбченку да шушунчик какой-нибудь, а то на нее смотреть стыдно — она вся как голая. А потом хотел нас в церковь свести и там в сундук с ризами спрятать. Но только-что попадья стала меня за переборочкой одевать, как вдруг слышим у двери кто-то звяк в кольцо.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

У нас сердца у обоих и замерли. А батюшка шепнул Аркадию:

— Ну, свет, в сундук с ризами вам теперь, видно не попасть, а полезай-ка скорей под перину.

А мне говорит:

— А ты, свет, вот сюда.

Взял да в часовой футляр меня и поставил и запер, и ключ к себе в карман положил, и пошел приезжим двери открывать. А их, слышно, народу много, и кои у дверей стоят, а два человека уже снаружи в окна смотрят.

Библиотека "Руниверс"

Вошло семь человек погони всё из графских охотников, с кистенями и с арапниками, а за поясами своры веревочные, и с ними восьмой, графский дворецкий, в длинной волчьей шубе с высоким козырем.

Футляр, в котором я была спрятана, во всю переднюю половинку был пропилейный решетчатый, старой тонкой кисейкой затянут, и мне сквозь ту кисею глядеть можно.

А старичок-священник сробел, что ли, что дело плохо — весь трясется перед дворецким и крестится и кричит скоренько:

— Ох, светы мои, ой, светы ясные! знаю, знаю, чего ищете, но только я тут перед светлейшим графом ни в чем не виноват, ей, право, не виноват, ей не виноват!

А сам как перекрестится, так пальцами через левое плечо на часовой футляр кажет, где я заперта.

«Пропала я», думаю, видя, как он это чудо делает.

Дворецкий тоже это увидал и говорит:

— Нам всё известно. Подавай ключ вот от этих часов.

А поп опять замахал рукой:

— Ой, светы мои, ой, ясненькие! простите, не взыскивайте: я позабыл, где ключ положил, ей, позабыл, ей, позабыл.

А с этим всё себя другою рукой по карману гладит.

Дворецкий и это чудо опять заметил, и ключ у него из кармана достал и меня отпер.

— Вылезай, говорит, — соколка, а сокол твой теперь нам сам скажется.

А Аркаша уже и оказался: сбросил с себя поповскую постель на пол и стоит.

Библиотека "Руниверс"

— Да говорит, — видно нечего делать, ваша взяла, — везите меня на терзание, но она ни в чем неповинна: я ее силой умчал.

А к попу обернулся да только и сделал всего, что в лицо ему плюнул.

Тот говорит:

— Светы мои, видите еще какое над саном моим и верностию поругание? Доложите про это пресветлому графу.

Дворецкий ему отвечает:

— Ничего, не безпокойся, всё это ему причтется,— и велел нас с Аркадием выводить.

Рассадились мы все на трое саней, на передние связанного Аркадия с охотниками, а меня под такою же охраною повезли на задних, а на середних залишние люди поехали.

Народ, где нас встретит, всё расступается, — думают, может-быть, свадьба.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Очень скоро доскакали и как впали на графский двор, так я и не видала тех саней, на которых Аркашу везли, а меня взяли в свое прежнее место и всё с допроса на допрос брали: сколь долго времени я с Аркадием наедине находилась.

Я всем говорю:

— Ах, даже нисколечко!

Библиотека "Руниверс"

Тут что мне, верно, на роду было назначено не с милым, а с постылым, — той судьбы я и не минула, а придучи к себе в каморку только было ткнулась головой в подушку, чтобы оплакать свое несчастие, как вдруг слышу из-под пола ужасные стоны.

У нас это так было, что в деревянной постройке мы, девицы, на втором жилье жили, а внизу была большая, высокая комната, где мы петь и танцовать учились, а оттуда к нам вверх всё слышно было. И адский царь Сатана надоумил их, жестоких, чтобы им терзать Аркашу под моим покойцем...

Как почуяла я, что это его терзают... и бросилась... в дверь ударилась, чтоб к нему бежать... а дверь заперта... Сама не знаю, что сделать хотела... и упала, а на полу еще слышней... И ни ножа, ни гвоздя — ничего нет, на чем бы можно как-нибудь кончиться... Я взяла да своей же косой и замоталась... Обвила горло, да всё крутила, крутила и слышать стала только звон в ушах, а в глазах круги и замерло.,. А стала я уж опять себя чувствовать в незнакомом месте, в большой светлой избе... И телятки тут были... много теляточек, штук больше десяти,— такие ласковые, придет и холодными губами руку лижет, думает мать сосет... Я оттого и проснулась, что щекотно стало... Вожу вокруг глазами и думаю, где я? Смотрю, входит женщина, пожилая, высокая, вся в синей пестряди и пестрядинным чистым платком повязана, а лицо ласковое.

Заметила эта женщина, что я в признак пришла, и обласкала меня, и рассказала, что нахожусь при своем же графскомъ доме в телячьей избе... «Это

Библиотека "Руниверс"

вон там было», пояснила Любовь Онисимовна, указывая рукою по направлению к самому отдаленному углу полуразрушенных серых заграждений.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

а скотном дворе она очутилась потому, что была под сомнением, не сделалась ли она в роде сумасшедшей? Таких скотам уподоблявшихся на скотном и испытывали, потому что скотники были народ пожилой и степенный, и считалось, что они могли «наблюдать» психозы.

Пестрядинная старуха, у которой опозналась Любовь Онисимовна, была очень добрая, а звали ее Дросида.

— Она, как убралася перед вечером,—продолжала няня:—сама мне постельку из свежей овсяной соломки сделала. Так распушила мягко, как пуховичок, и говорит: «я тебе, девушка, всё открою. Будь что будет, если ты меня выскажешь, а я тоже такая, как и ты, и не весь свой век эту пестрядь носила, а тоже другую жизнь видела, но только не дай Бог о том вспомнить, а тебе скажу: не сокрушайся, что в ссыл на скотный двор попала,—на ссылу лучше, но только вот этого ужасного плакона берегись...»

И вынимает из-за шейного платка беленький стеклянный пузырек и показывает.

Я спрашиваю:

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

— Что это?

А она отвечает:

— Это и есть ужасный плакон, а в нем яд для забвения.

Я говорю:

— Дай мне забвенного яду: я всё забыть хочу.

Она говорит:

— Не пей—это водка. Я с собой не совладала раз, выпила... добрые люди мне дали... Теперь и не могу—надо мне это, а ты не пей пока можно, а меня не суди, что я пососу—очень больно мне. А тебе еще есть в свете утешение: его Господь уж от тиранства избавил!..

Я так и вскрикнула: «умер!» да за волосы себя схватила, а вижу не мои волосы,—белые... Что это!

А она мне говорит:

— Не пужайся, не пужайся, твоя голова еще там побелела, как тебя из косы выпутали, а он жив и ото всего тиранства спасен: граф ему такую милость сделал, какой никому и не было,—я тебе, как ночь придет, всё расскажу, а теперь еще пососу... Отсосаться надо... жжет сердце.

И всё сосала, всё сосала, и заснула.

Ночью, как все заснули, тетушка Дросида опять тихонечко встала, без огня подошла к окошечку и, вижу, опять стоя пососала из плакончика и опять его спрятала, а меня тихо спрашивает:

— Спит горе или не спит?

Я отвечаю:

— Горе не спит.

Библиотека "Руниверс"

Она подошла ко мне к постели и рассказала, что граф Аркадия после наказания к себе призывал и сказал:

— Ты должен был всё пройти, что тебе от меня сказано, но как ты был мой фаворит, то теперь будет тебе от меня милость: я тебя пошлю завтра без зачета в солдаты сдать, но за то, что ты брата моего, графа и дворянина, с пистолетами его не побоялся, я тебе путь чести открою,—я не хочу, чтобы ты был ниже того, как сам себя с благородным духом поставил. Я письмо пошлю, чтобы тебя сейчас прямо на войну послали, и ты не будешь служить в простых во солдатах, а будешь в полковых сержантах и покажи свою храбрость. Тогда над тобой не моя воля, а царская.

— Ему,—говорила пестрядинная старушка:—теперь легче и бояться больше нечего: над ним одна уже власть—что пасть в сражении, а не господское тиранство.

Я так и верила, и три года всё каждую ночь во сне одно видела, как Аркадий Ильич сражается.

Так три года прошло, и во всё это время мне была Божия милость, что к театру меня не возвращали, а всё я тут же в телячьей избе оставалась жить, при тетушке Дросиде в младших. И мне тут очень хорошо было, потому что я эту женщину жалела, и когда она, бывало, ночью не очень выпьет. так любила ее слушать. А она еще помнила, как старого графа наши люди зарезали, и сам главный камердинер,—потому что никак уже больше не могли его адской лютости вытерпеть. Но я всё еще ничего

Библиотека "Руниверс"

не пила и за тетушку Дросиду много делала и с удовольствием: скотинки эти у меня как детки были. К теляткам, бывало, так привыкнешь, что когда которого отпоишь и его поведут колоть для стола, так сама его перекрестишь и сама о нем после три дня плачешь. Для театра я уже не годилась, потому что ноги у меня не хорошо ходить стали, колыхались. Прежде у меня походка была самая легкая, а тут, после того, как Аркадий Ильич меня увозил по холоду без чувств, я верно ноги простудила и в носке для танцев уже у меня никакой крепости не стало. Сделалась я такою же пестрядинкою, как и Дросида, и Бог знает, докуда бы прожила в такой унылости, как вдруг, один раз, была я у себя в избе перед вечером: солнышко садится, а я у окна тальки разматываю, и вдруг мне в окно упадает небольшой камень, а сам весь в бумажку завернут.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Оглянулась туда-сюда и за окно выглянула, — никого нет.

— Наверно, думаю, это кто-нибудь с воли через забор кинул, да не попал куда надо, а к нам с старушкой вбросил. И думаю себе развернуть или нет эту бумажку? Кажется, лучше развернуть, потому что на ней непременно что-нибудь написано? А может-быть это кому-нибудь что-нибудь нужное, и я могу догадаться

Библиотека "Руниверс"

и тайну про себя утаю, а записочку с камушком опять точно таким же родом кому следует переброшу.

Развернула и стала читать, и глазам своим не верю...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

исано:

«Верная моя Люба! Сражался я и служил государю и проливал свою кровь не однажды, и вышел мне за то офицерский чин и благородное звание. Теперь я приехал на свободе в отпуск для излечения ран и остановился в Пушкарской слободе, на постоялом дворе у дворника, а завтра ордена и кресты надену и к графу явлюсь и принесу все свои деньги, которые мне на леченье даны, пятьсот рублей, и буду просить мне тебя выкупить, и в надежде, что обвенчаемся перед престолом Всевышнего Создателя».

— А дальше,—продолжала Любовь Онисимовна, всегда с подавляемым чувством:—писал так, что «какое, говорит, вы над собою бедствие видели и чему подвергались, то я то за страдание ваше, а не во грех и не за слабость поставляю и предоставляю то Богу, а к вам одно мое уважение чувствую». И подписано: «Аркадий Ильин».

Любовь Онисимовна письмо сейчас же сожгла на загнетке и никому про него не сказала, ни даже

Библиотека "Руниверс"

пестрядинной старухе, а только всю ночь Богу молилась, нимало о себе слов не произнося, а всё за него, потому что, говорит, хотя он и писал, что он теперь офицер и со крестами и ранами, однако, я никак вообразить не могла, чтобы граф с ним обходился иначе, нежели прежде.

Просто сказать, боялась, что еще его бить будут.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

а утро, рано, Любовь Онисимовна вывела теляток на солнышко и начала их с корочки из лоханок молочком поить, как вдруг до ее слуха стало достигать, что «на воле», за забором, люди, куда-то поспешая, бегут и шибко с собой разговаривают.

— Что такое они говорили, того я,—сказывала она:—ни одного слова не расслышала, но точно нож слова их мне резали сердце. И как въехал в это время в ворота навозник Филипп, я и говорю ему:

— Филюшка, батюшка, не слыхал ли, про что это люди идут, да так любопытно разговаривают?

А он отвечает:

— Это, говорит,—они идут смотреть, как в Пушкарской слободе постоялый дворник ночью сонного офицера зарезал. Совсем, говорит, горло перехватил и пятьсот рублей денег с него снял. Поймали его, весь в крови, говорят, и деньги при нем.

Библиотека "Руниверс"

И как он мне это выговорил, я тут же бряк с ног долой...

Так и вышло: этот дворник Аркадия Ильича зарезал... и похоронили его вот тут, в этой самой могилке на которой сидим... Да, тут он и сейчас под нами, под этой земелькой лежит... А то ты думал, отчего же я всё сюда гулять-то с вами хожу... Мне не туда глядеть хочется (указала она на мрачные и седые развалины), а вот здесь возле него посидеть, и... и капельку за его душу помяну.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ут Любовь Онисимовна остановилась и, считая свой сказ досказанным, вынула из кармана пузыречек и «помянула», или «пососала», но я ее спросил:

— А кто же здесь схоронил знаменитого тупейного художника?

— Губернатор, голубчик, сам губернатор на похоронах был. Как же! Офицер,—его и за обедней и дьякон, и батюшка «болярином» Аркадием называли и как опустили гроб, солдаты пустыми зарядами вверх из ружей выстрелили. А постоялого дворника после, через год, палач на Ильинке на площади кнутом наказывал. Сорок и три кнута ему за Аркадия Ильича дали, и он выдержал—жив остался и в каторжную работу клейменый пошел. Наши мужчины, которым возможно было, смотреть бегали, а старики,

Библиотека "Руниверс"

которые помнили, как за жестокого графа наказывали, говорили, что это сорок и три кнута мало, потому что Аркаша был из простых, а тем за графа так сто и один кнут дали. Четного удара, ведь, это по закону нельзя остановить, а всегда надо бить в не-чет. Нарочно тогда палач, говорят, тульский был привезен, и ему перед делом три стакана рому дали выпить. Он потом так бил, что сто кнутов ударил всё только для одного мучения и тот всё жив был, а потом как сто первым щелканул, так всю позвонцовую кость и растрощил. Стали поднимать с доски, а он уж и кончается... Покрыли рогожечкой, да в острог и повезли,—дорогой умер. А тульский, сказывают, все еще покрикивал: «давай еще кого бить— всех орловских убью».

— Ну, а вы же, говорю, на похоронах были или нет?

— Ходила. Со всеми вместе ходила: граф велел, чтобы всех театральных свести посмотреть, как из наших людей человек заслужиться мог.

— И прощались с ним?

— Да, как же! все подходили, прощались, и я... переменился он, такой, что я бы его и не узнала. Худой и очень бледный, — говорили, весь кровью истек, потому что он его с самую полночь еще зарезал... Сколько это он своей крови пролил...

Она умолкла и задумалась.

— А вы, говорю, — сами после это каково перенесли?

Она как бы очнулась и провела по лбу рукою.

— По началу не помню, говорит, — как домой пришла... Со всеми вместе, ведь, — так верно кто-нибудь меня вел... А ввечеру Дросида Петровна говорит:

Библиотека "Руниверс"

— Ну, так нельзя, — ты не спишь, а между тем лежишь как каменная. Это не хорошо — ты плачь, чтобы из сердца исток был.

Я говорю:

— Не могу, теточка, — сердце у меня как уголь горит и истоку нет.

А она говорит:

— Ну, значит, теперь плакона не миновать.

Налила мне из своей бутылочки и говорит:

— Прежде я сама тебя до этого не допускала и отговаривала, а теперь делать нечего: облей уголь — пососи.

Я говорю: «не хочется».

— Дурочка, говорит: — да кому же сначала хотелось. Ведь оно горе-горькое, а яд горевой еще горче, а облить уголь этим ядом — на минуту гаснет. Соси скорее, соси!

Я сразу весь плакон выпила. Противно было, но спать без того не могла, и на другую ночь тоже... выпила... и теперь без этого уснуть не могу, и сама себе плакончик завела и винца покупаю... А ты, хороший мальчик, мамаше этого никогда не говори, никогда не выдавай простых людей: потому что простых людей ведь надо беречь, простые люди все ведь страдатели. А вот мы когда домой пойдем, то я опять за уголком у кабачка в окошечко постучу... Сами туда не взойдем, а я свой пустой плакончик отдам, а мне новый высунут.

Я был растроган и обещался, что никогда и ни за что не скажу о ее «плакончике».

— Спасибо, голубчик,—не говори: мне это нужно.

Библиотека "Руниверс"

И как сейчас я ее вижу и слышу: бывало, каждую ночь, когда все в доме уснут, она тихо приподнимается с постельки, чтобы и косточка не хрустнула; прислушивается, встает, крадется на своих длинных, простуженных ногах к окошечку... Стоит минутку, озирается, слушает: не идет ли из спальни мама; потом тихонько стукнет шейкой «плаконочика» о зубы, приладится и «пососет...» Глоток, два, три... Уголек залила и Аркашу помянула, и опять назад в постельку, — юрк под одеяльце и вскоре начинает тихо-претихо посвистывать—фю-фю, фю-фю, фю-фю. Заснула!

Более ужасных и раздирающих душу поминок я во всю мою жизнь не видывал.

КОНЕЦ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"